

Т. А. Драгайкина

ЧТЕНИЕ В МАСОНСКОЙ ПРАКТИКЕ НРАВСТВЕННОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В эпоху Просвещения книгопечатание развивалось быстрыми темпами, репертуар печатных книг постоянно расширялся, читательские интересы и целевые установки становились более дифференцированными. Значительное количество разнообразной печатной продукции повлияло на культуру чтения. Р. Энгельзинг писал о состоявшейся во второй половине XVIII в. революции в чтении. Согласно его наблюдению, в это время происходит переход от интенсивного к экстенсивному чтению, т. е. от перечитывания ограниченного круга книг к постоянному расширению их состава, и отношение к прочитанному становится более критическим [см.: Engelsing, 1974].

Несмотря на то, что занимательная литература получала в XVIII в. все большее распространение, продолжало оставаться актуальным характерное для русского Средневековья представление об учительной и преобразующей роли книги. Особое отношение к книге сформировалось в культуре чтения русских масонов. Они унаследовали традиционную для русской литературы веру в созидательную силу книжного слова и использовали этот потенциал в концепции нравственного самосовершенствования человека.

Русские «вольные каменщики» были активными авторами и читателями. Кроме того, в краткий период относительной свободы печати (от обнародования в 1783 г. указа, разрешавшего частным лицам содержать типографии, и до запрещения в 1786 г. печатать в вольных типографиях книги религиозного содержания) они активно занимались издательской деятельностью. Некоторые масонские сочинения поступали в свободную продажу, но значительная часть орденской литературы, использовавшейся членами ложи, бытовала в рукописном виде [см.: Вернадский, 2001, 437—492].

В тайной типографии ордена удалось напечатать немногие сочинения из того массива текстов, которые интересовали русских «мартинистов», многие из них были запрещены, поэтому рукописные копии печатных изданий 80-х гг. XVIII в. продолжали появляться как минимум до 30-х гг. XIX в.¹

Все масоны разделяли мнение о том, что чтение оказывает помощь в «обработке дикого камня» человеческой души. На выбор литературы оказывала влияние присущая ордену строгая иерархия, предполагавшая постепенное восхождение по лестнице посвящения. Наибольшим авторитетом у масонов пользовалось Священ-

---

¹ Например: копии «Братских увещаний» С. Эли (РГБ, ф.14, № 1349); «Судьба религии» (РГБ, № 521, РГБ, ф. 267, картон 31, ед. 1); «Gemma Magica» Франкенберга (ГИМ, ф. 440, ед. 1383; РНБ. III. О. 136); Ретцель «Шестидневных дел мира сего тайное значение» (РНБ, О III. 138; F. III. 108) и др.

ное Писание. По словам розенкрейцера Н. А. Краевича (1756—1790), «во всех мистических книгах весьма много природы. Но в Священном Писании — одна чистая благодать» [Краевич, 1804, 57]. Как известно, Библия присутствовала в масонских ритуалах, она хранилась вместе с важнейшими документами и печатью ложи. В то же время в правилах и инструкциях некоторых лож (например, «Елизаветы к Добродетели») можно обнаружить запреты на использование библейских текстов в орденских речах, ибо «хотя Св. Писание и почитается от каменщиков величайшим светом; но говорить текстами оного принадлежит предикатам духовной в государстве власти; Масонство же имеет свой способ изъяснения; т.е. язык иероглифический или подобий, имеет свою собственную терминологию, от коей ни под каким предлогом отступать не должно» («Должность») [РГБ, ф. 147, № 117.2, л. 4 об.].

Для гносеологии масонов характерно представление о том, что подлинное познание мира доступно лишь духовно чистому человеку, победившему свои страсти. Согласно их представлениям, первоначально человек обладал полнотой знания, но утратил его после грехопадения, следовательно, для достижения высшей мудрости необходимо нравственное возрождение. Подчеркивалось, что человек духовно нечистый не может не только самостоятельно познавать, но и правильно воспринимать результаты чужого познавательного процесса, изложенные в «высоких» книгах, и такому читателю никакие откровения ничего не дадут. Метафорически об этом сказано в одном из посланий наставника к ученику: «Что пользы, если человек с бельмами на глазах въедет в великолепнейшую страну? Напрасно будут говорить ему о красотах природы: он их не видит и не может увидеть, пока не снимут у него с глаз бельмо» («О истинном друге») [Там же, ед. хр. 1462, л. 7]. Поэтому в ученической степени для чтения рекомендовали простые и ясные моралистические сочинения, в первую очередь изданное Н. И. Новиковым в 1783 г. «Познание самого себя» Иоанна Масона, призывавшее к самоанализу, постоянной работе над собой, борьбе со своими пороками. Чрезвычайно полезным для духовного развития считался трактат немецкого богослова И. Арндта (1555—1609) «О истинном христианстве». Читать рекомендовалось понемногу, не перескакивая с книги на книгу без осмысления и концентрации внимания на важном.

Чтение нравственных сочинений считалось бесполезным без применения наставлений на практике. «Хорошо пишем, а делаем худо», — заметил некий самокритичный читатель «Магазина свободно-каменщического» [см.: Магазин свободно-каменщический. 1784. Т. 1., ч. 2., тит. л. (ОРК, НБ Томского университета)]. Характерна в этой связи пометка-наблюдение потомственного масона В. С. Арсеньева на полях рукописного сборника, составленного им в 60-е гг. XIX в. из работ Н. А. Краевича, С. И. Гамалеи, О. И. Поздеева и др.: «Читать должно для того, чтобы заохотить себя ко вступлению в практику и опыты, но много читать значит материалу много готовить, и како много наготовить, то волю этим только напугаешь, и она со страху ни за что и не примется» [ОР РГБ, ф. 14, № 573, л. 79]. Арсеньев напоминает себе, что умеренное чтение, нацеленное на практическое применение полученных знаний, важнее, чем чтение экстенсивное, не влияющее на духовное преобразование человека.

Увлечение мистической литературой на ранних этапах считалось нежелательным, способным пробудить духовную гордыню и ложное мнение о своей приобщённости к высшему знанию. Н. А. Краевич так отзывался о прочитанной им с большим удовольствием книге г-жи Гийон «Песнь песней»: «Не надо только каждому советовать читать такого рода писаний, ибо нечувствительно крайний вред сделать могут. Мы, по нашему невежеству, тотчас станем искать в себе Гийон или Бёме, а себя бросим» [Краевич, 1804, 67]. Мистические откровения, описывающие «ангельский» и «темный» мир (сочинения Э. Сведенборга, «Божественная и истинная метафизика» Дж. Порреджа), воспринимались некоторыми из масонов (например, Н. А. Краевичем) не как авторитетный источник, а скорее как порождение гордыни и любопытства.

В более высоких степенях предписывалось чтение теософических и алхимических сочинений, т. е. предполагался переход от самопознания к познанию мира. Впрочем, описания алхимических процессов по многим трактовкам являлись аллегориями преобразования человеческой души, поэтому их не следовало понимать буквально. На разных уровнях посвящения одни и те же символы, легенды, притчи могли трактоваться совершенно по-разному. Стимулом к размышлению могли быть не только словесные метафоры. Весь мир мог рассматриваться как «великая книга Натуры», наполненная многослойной символикой. Например, в одном из рукописных масонских сборников XIX в. в рассуждении «Земля» можно прочитать: «Самое физическое положение Земли представляет нам иероглиф замечательный: ибо Земля, как известно, и по положению своему находится между Марсом и Венерою, между яростью и любовью» [РНБ, QIII. 108, л. 122—122 об.].

Много внимания в круге чтения масонов уделялось апологетике. Аргументы, опровергающие слухи о масонстве, давались в «Магазине свободно-каменщическом» в таких сочинениях, как «Апология» И.-А. Штарка (М., 1784), по-видимому, не только для того, чтобы убежденные масоны могли увереннее отстаивать свою правоту перед профанами, выступающими против ордена. Они предназначались и «братьям», которые почувствовали охлаждение к ордену, начали разочаровываться в масонских «штудиях». Достойные ответы давались тем, кто представлял масонов противниками христианства и законной власти, высмеивал масонские ритуалы, как, например, в комедиях Екатерины II или в переводной книге «Масон без маски» (СПб., 1784). В «Магазине свободно-каменщическом» и других масонских изданиях подчеркивалось, что ритуалы и символы являются лишь средством воздействия на чувства, но не сущностью учения.

Осознание того, что идеи, выраженные образно, запечатлеваются более глубоко, чем сухие рассуждения, определяло высокую оценку поэзии, если она затрагивала духовные темы. Л.-К. Сен-Мартен в своей книге «О заблуждениях и истине» писал, что поэзия есть «превосходнейшее произведение способностей человека, которое более всего приближает его к Началу» [Сен-Мартен, 1785, 488]. Поэтические образы для него — универсальный, Божественный язык, наиболее сильное средство воздействия на человеческую душу. Масоны высоко ценили творчество английского поэта Эдварда Юнга (1683—1765). Его поэмы переводили А. М. Ку-

тузов и И. В. Лопухин. В поэме Юнга «Плач, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» сочетаются накал личных чувств и патетическая проповедь. Большое место в книге уделено актуальной в 80-е гг. XVIII в. полемике с вольнодумцами (лирический герой старается убедить своего знакомого, легкомысленного светского юношу Лоренцо, что душа бессмертна). Высоко оценивался также немецкий поэт Ф.-Г. Клопшток (1724—1803), автор поэмы «Мессия», в которой христианский пафос сочетался с несколько вольным изложением евангельских событий. Популярным в масонской среде жанром был аллегорический роман (Ж. Террасон, М. М. Херасков и т. д.), в котором странствия и приключения героев символизировали путь души к истине (этот символический подтекст был понятен только посвященным).

Пристрастие к литературе определенного рода нередко выступало в публицистике, художественных текстах, личных письмах масонов как признак, значимый для характеристики человека. Так, И. В. Лопухин в одном из писем к А. М. Кутузову, рассказывая о своем родственнике И. П. Лопухине, отличавшемся порочной жизнью, считает нелишним упомянуть о том, что с детства его любимыми персонажами и примерами для подражания были Картуш и Ванька Каин, книги о похождениях которых были весьма популярны среди массового читателя [Барсков, 1915, 47].

К развлекательной литературе масоны относились в основном отрицательно. Однако, по свидетельству одного из современников, А. Ф. Лабзин не пренебрегал чтением занимательных романов, хотя нередко эпизоды, значимые только для развития сюжета, давали ему пищу для благочестивых размышлений [см.: Дмитриев, 1866, 844]. Размышления о чтении, о предназначении книги, о современном состоянии словесности неоднократно появлялись на страницах журналов в первой четверти XIX в. («Сионский вестник» А. Ф. Лабзина и «Друг юношества» М. И. Невзорова). Так, А. Ф. Лабзин отмечал в своей статье «О чтении книг», что из-за распространения книгопечатания серьезные оригинальные произведения нередко теряются в потоке незначительных. Сожалел о снижении качества литературы в связи с увеличением количества печатных книг, выступая за «умеренность в чтении», он считал развитие книгоиздания все же необратимым процессом. А. Ф. Лабзин выступал против запрещения и уничтожения каких-либо изданий, отмечая: «Подобает в мире быть и соблазнам, за тем усовершенствуется добродетель» [Лабзин, 1818, 218]. С «вредными» сочинениями он предлагал бороться с помощью полемики.

Итак, чтение для развлечения, не изменяющее внутреннего мира человека и не воздействующее на его поведение, являлось, с точки зрения масонов, бесполезным. Критике подвергалось «экстенсивное» чтение, поверхностное и оторванное от практики, распространившееся в конце XVIII в.. Впрочем, у теоретиков масонства можно встретить и высказывания о том, что привычка к чтению поучительных сочинений может помочь даже не слишком серьезно настроенному читателю в конце концов найти книгу, которая пробудит в нем стремление к истине [Лопухин, 1804, 2—3]. Это свидетельствует о формировании индивидуального характера восприятия литературы.

Книга воспринималась российскими масонами как средство распространения просвещения, которое понималось как моральное преобразование, духовное возрождение человека. Читению тщательно подобранной литературы уделялось большое место в системе самовоспитания, нравственного самосовершенствования и постижения мира масонов, однако постоянно подчеркивалось, что нужный эффект чтение дает при соответствующем настрое читателя, готового к активному восприятию текста. Чтение рассматривалось в первую очередь как средство, побуждающее к самостоятельной духовной и интеллектуальной работе.

Арсеньев В. С. Массонские экстракты, от покойного отца наследованные и возвратный путь к Отцу Небесному указующие // ОР РГБ, ф. 14, № 573.

Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII в. Пг., 1915.

Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. 3-е изд. СПб., 2001.

Дмитриев М. А. Воспоминания об А. Ф. Лабзине // Рус. архив. 1866.

Краевич Н. А. Луч благодати. Б. м., 1804.

Лабзин А. Ф. О чтении книг // Сионский вестн. 1818. № 2.

Лопухин И. В. От переводчика к читателю // Вера в Иисуса, или Кратчайший путь к Богу. СПб., 1804.

Магазин свободно-каменщицкий. М., 1784. Т. 1, ч. 2.

РГБ, ф. 147, № 117.2; РГБ. Ф. 147, ед. 146.2.

РНБ, QIII. 108.

Сен-Мартен Л.-К. О заблуждениях и истине. М., 1785.

Engelsing R. Der Bürger als Leser. Stuttgart, 1974.

Статья поступила в редакцию 10.09.2007 г.

М. В. Загидуллина

СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧТЕНИЯ: НОВАЯ ПАРАДИГМА

Доказывается, что в ситуации кризиса читательской культуры чтение остается неизменной и неуничтожимой частью жизни современного человека, однако сама направленность чтения меняется, что связано с процессом неизбежной компрессии классического наследия, «сворачивания» культурных пластов прошлого и замещения высвободившегося пространства новыми формами культурной информации.

Место литературы как социального института в XIX в., когда она выполняла не только сугубо литературные, эстетические функции, многократно рассматривалось с самых разных точек зрения. Однако такое положение вещей было свойственно исключительно эпохе расцвета книжной культуры. Пока книга была главным источником знаний (точнее, информации), литература неизбежно оставалась центральным общественным институтом. В XX в. книга (и, как следствие, лите-